

– Это верно, – сказал Жебюрон, – я сам видел женщин, которые крестились, когда при них произносили нехорошие слова, и всякий раз, когда слова эти повторяли, крестились снова.

– Да, но сколько же раз этим женщинам приходилось притворяться разгневанными, – сказал Симонто, – чтобы потом вволю посмеяться над тем, что вызывало их гнев.

– Они правильно делали, – сказала Парламанта, – это ведь лучше, чем дать мужчинам почувствовать, что тешишься подобными разговорами.

– Выходит, что вы хвалите женское лицемерие не меньше, чем женскую добродетель? – заметил Дагусен.

– Добродетель, разумеется, стоило бы хвалить больше, – ответила Лонгарина, – но там, где ее недостает, иногда не обойтись без лицемерия, как мы иной раз прибегаем к каблукам, чтобы никто не заметил, что мы малы ростом. Хорошо еще, что у нас есть чем скрыть наши недостатки.

– А по-моему, – сказал Иркиан, – лучше бы иногда не делать тайны из какого-нибудь незначительного недостатка чем стараться во что бы то ни стало прикрывать его мнимую добродетелью.

– Это правда, – сказала Эннасюита, – одежда, которую человек берет напрокат, сначала облагораживает того, кто ее носит, а потом, когда ему приходится ее возвращать, его срамит. Я же знаю, например, одну женщину, которая, пытаясь скрыть свой ничтожный проступок, совершила тяжкое преступление.

– Я догадываюсь, о ком вы собираетесь нам рассказать – сказал Иркиан, – но вы хоть по крайней мере не называйте ее имени.

– Ну, тогда я предоставлю вам слово, – воскликнул Симонто, – с тем, чтобы после того как вы расскажете нам эту историю, вы все-таки назвали нам имена ее участников, а мы вам поклянемся, что сохраним их в тайне.

– Обещаю вам это, – сказала Эннасюита, – ибо нет на свете ничего такого, чего нельзя было бы рассказать пристойным образом.

Новелла пятьдесят третья

*Госпожа де Нефшатель*³⁷⁸ притворством своим доводит князя Бельюста³⁷⁹ до того, что тот подвергает ее испытанию, кончающемуся для нее позором.

Однажды король Франциск Первый в сопровождении очень немногих придворных поехал в один из своих загородных замков отдохнуть от дел и поохотиться. В числе его свиты был некий князь де Бельюст, который по статности, благородству, доблести и уму не знал себе равных. Женат он был на женщине не очень знатной, но так о ней заботился, как только муж может заботиться о жене, и верил ей во всем. Стоило ему влюбиться в кого-нибудь, как он тут же ей обо всем рассказывал, зная, что она хочет только того, чего хочет он, и что других желаний у нее нет. Однажды осенью сеньор этот завязал дружбу с одной вдовой по имени госпожа де Нефшатель, которая слыла красивейшею из женщин. А стоило только князю Бельюсту полюбить ее, как и жена его любила ее не меньше и часто посылала за ней, чтобы пригласить ее пообедать или поужинать с ними, – и, почитая ее женщиной благоразумной и порядочной, вместо того чтобы огорчаться, только радовалась тому, что муж ее сделал такой хороший выбор. Дружба эта длилась долго, и князь Бельюст входил во все дела упомянутой госпожи де Нефшатель, как будто то были его собственные дела, и княгиня со своей стороны старалась не меньше его во всем ей помочь. Но так как вдова эта была очень хороша собой, немало вельмож и дворян добивались ее расположения, причем одним нужна была только ее взаимность, иные же хотели на ней жениться, ведь она была не только хороша собою, но еще и очень богата. В числе ее кавалеров был некий молодой дворянин по имени сеньор де Шериотц,³⁸⁰ который так упорно за ней ухаживал, что и дневал и ночевал у нее в

³⁷⁸ *Госпожа де Нефшатель*. – Возможно, речь идет о Жанне де Нефшатель, вдове герцога Людовика Орлеанского, умершей в 1543 г.

³⁷⁹ *Князь де Бельюст* – лицо неустановленное.

³⁸⁰ *Сеньор де Шериотц*. – Кто был прототипом этого персонажа, также не установлено.